

Господин Липинь и не подозревал, что материнское насекомое, затаившееся в теле Сино, проявит свою истинную мощь лишь много позже.

Кланы, повелевающие насекомыми, не ограничивались одними Абурамэ — их было великое множество, и природа их подопечных отличалась поразительным многообразием. Далеко не каждый мастер шел по пути почитания Липиня и его ветви. Обычно, помимо самого материнского насекомого, призыватели искали и других спутников. Пусть их число не было велико, но каждый обладал уникальной чертой.

Какко уже начал осваивать управление звуковыми волнами, чтобы имитировать человеческую речь. Его дерзость в общении с Липинем была понятна: дикие насекомые по природе своей строптивы и с трудом поддаются приручению.

Липинь, в свою очередь, отметил про себя, что Сино ладит с этим жуком удивительно легко. Талант мальчика был очевиден — из него явно вырастет нечто выдающееся. Впрочем, верный своей язвительной манере, старейшина ограничился сухим «Поздравляю», после чего перешел к делу.

— Слушай внимательно. Повторять не стану, — его голос смягчился, Липинь явно хотел, чтобы Сино усвоил каждое слово. Мальчик выпрямился, насколько позволяло крошечное детское тело, что выглядело со стороны довольно забавно.

— Почти все в нашем клане используют паразитов, произведенных материнским насекомым, для атаки или защиты. С годами каждый обретает всё больше подопечных. Но запомни: насекомые — не инструменты. Они живые. Материнское насекомое производит потомство лишь циклами, и само по себе оно множится не так быстро. Поэтому, за исключением случаев, когда на кону твоя жизнь, никогда не жертвуй ими попусту.

Сино понятливо кивнул. Липинь продолжил:

— Но это лишь верхушка айсберга. Плодовитость — не главное. Слушай, в чем истинная суть.

Он выдержал паузу, подчеркивая важность момента.

— Главная особенность насекомых — их способность к адаптации. В мире жуков царит закон джунглей: они пожирают других существ, естественным образом поглощая то, что им необходимо. Но порой призыватель теряет над этим контроль. Материнское насекомое, живущее в твоём теле, — это центр. Обыватели думают, что его роль лишь в производстве личинок, но на самом деле оно — узел управления.

Тут Какко, которому эти истины были знакомы с рождения, не удержался и вставил свое веское слово:

— Иными словами, Сино, управляя материнским насекомым, ты направляешь весь рой.

Сино снова кивнул, принимая информацию. Липинь, не обратив внимания на перебившего его жука, добавил:

— Можно сказать и так. Но тогда в чем разница между сильным и слабым мастером? Почему одни повелевают легионами, а другие едва справляются с горсткой? Всё дело в связи. Могущественное материнское насекомое способно направлять даже эволюцию своих детей.

— Теория бесконечной эволюции! — невольно воскликнул Сино.

Он уже слышал об этом: если матка способна непрерывно контролировать мутации роя, насекомые могут развиваться до бесконечности. Однако для этого требовался интеллект запредельного уровня, иначе удержать контроль над всей цепочкой изменений было невозможно.

Липиня ничуть не смутило, что годовалый младенец оперирует такими терминами. Старик повидал на своем веку слишком много странного, чтобы удивляться подобным мелочам. Поняв, что Сино ухватил суть, он перешел к практике: как именно наладить связь с материнским насекомым.

Пристанище материнского насекомого в теле Сино было необычным — оно обосновалось в ямке правого плеча. Внешне это походило на след от старого пулевого ранения, только глубокого фиолетового цвета. Зрелище не самое приятное, но и не пугающее.

Сино чувствовал скрытую в нем силу. Концепция казалась простой: подчини материнское насекомое — и получишь доступ к чувствам каждого крошечного жука. Теперь разведка и сбор данных станут элементарной задачей. Кто заподозрит неладное, увидев неприметную мошку?

Дальнейшие объяснения Липиня больше напоминали сухой научный догмат. Несмотря на зрелость сознания, Сино стало скучно — слушать занудство жука было выше его сил. К счастью, Липинь вскоре замолк, предоставив мальчику возможность самому прочувствовать связь.

К удивлению Сино, материнское насекомое, только что терзавшее его своей яростью, теперь вело себя на редкость смиренно. Оно послушно откликалось на каждый мысленный зов. Какко, гордо развернувшись на плече мальчика, так и светился самодовольством. Очевидно, он как-то «договорился» с новоселом.

Сино не стал вникать в детали их отношений. Главное, что материнское насекомое перестало вспыхивать неконтролируемой болью в самый неподходящий момент. В бою такая оплошность могла стоить жизни. Сино старательно выстраивал диалог с паразитом, пытаясь понять причину недавней агонии, но оно вело себя как покорная тень — исполняло приказы, не выказывая былой строптивости. Лишние проблемы Сино были не нужны: послушный союзник

куда лучше бомбы замедленного действия.

В этот момент вернулись Сиби с женой. Услышав шаги, Сино спрыгнул с кровати и засеменил навстречу.

— Отец, мама... С возвращением.

Родители замерли от неожиданности и восторга. Сино спал так долго, что они уже начали всерьез опасаться за его жизнь. Лишь слабое дыхание ребенка давало им надежду. И вот он проснулся — живой и здоровый.

Мать, отбросив привычную сдержанность, подхватила его на руки.

— Столько времени проспал... Проголодался? Я сейчас же приготовлю что-нибудь. Что Сино хочет съесть?

Она засыпала его вопросами, и даже Сиби стоял рядом, непривычно растерянный от нахлынувших чувств.

Ужин был по-королевски щедрым — по крайней мере, по меркам Сино, у которого зубы еще толком не выросли. В меню значилось молоко и питательная каша. После долгого забытья ощущение полного желудка было невероятно приятным. Они ужинали в столовой, и, кажется, никто не вспомнил о том, чтобы предложить еду «великому старейшине» в подвале. Впрочем, рацион насекомых вряд ли состоял из домашних блюд.

Едва утолив первый голод, Сино почувствовал неладное. Когда его только несли в убежище, снаружи грохотали взрывы и рушились здания. Теперь же за стенами царила мертвая тишина.

Неужели война закончилась? Не верилось, что за одну ночь безумная пляска смертоносных техник сменилась полным штилем.

— Отец, а как же война?..

Стоило Сино открыть рот, как родители синхронно отложили палочки. Мать, кормившая его с ложечки, замерла, так и не донеся порцию мясного пюре до его рта. В комнате повисла тяжелая тишина.

Сино не верил, что Коноха проиграла — иначе родители не сидели бы здесь так спокойно. Но если они победили, откуда эта скорбь на их лицах?

— Сино, война — это страшная вещь, — заговорила мать, понимая, что суровому Сиби такие разговоры даются с трудом. — Наш Хокагэ-сама... он погиб в этой битве.

Хокагэ? Слово было знакомым, но его значение оставалось для Сино туманным. С самого рождения он не покидал дома, а если и выходил, то лишь для того, чтобы оказаться в бомбоубежище или в подвале для заключения контракта.

Заметив замешательство сына, Сиби поднял взгляд куда-то к потолку и негромко произнес:

— Хокагэ, Сино... это сильнейший человек в нашей деревне. Тот, кто объединял нас всех.

«Значит, староста?» — мелькнула в голове Сино циничная мысль, но он тут же подавил её. Лидеры всегда вызывали у него уважение. Рина тоже была лидером одержимых насекомыми, объединив их в поисках дома. Сино знал, как тяжело сплотить людей вокруг одной цели.

Мальчик придал лицу подобающее случаю грустное выражение. Смерть сильнейшего — это не только потеря лидера, но и сокрушительный удар по моральному духу всей деревни.

— Но Хокагэ-сама отдала жизнь, защищая нас, — поспешно добавила мать, пытаясь развеять гнетущую атмосферу, не характерную для их дома. — Поэтому мы не должны унывать.

Сино молча кивнул и сам потянулся к ложке с кашей.

Слова утешения редко лечат раны. Сино вспомнил, как после смерти Рины их организация едва не развалилась под грузом отчаяния. Тогда он, будучи лишь исполнителем, не понимал их слез. Теперь, глядя на родителей, он начинал осознавать тяжесть утраты. Опора, на которой держался их мир, рухнула.

Война закончилась два месяца назад. Ровно столько же времени прошло с того дня, как Четвертый Хокагэ ушел в вечность.

<http://bllate.org/book/17391/1648625>